

«Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции

С. И. КОСЕНКО

(Почетное консульство Российской Федерации в Лозанне, Швейцария)

В статье рассматриваются некоторые актуальные аспекты культурной дипломатии Франции как атрибута «мягкой силы»; подчеркивается традиционно особое место культурной политики в стратегии сохранения и усиления глобального влияния Франции в условиях скрытого противостояния лингвокультурному давлению США и их претензиям на духовное лидерство в современном мире.

Франция, будучи на протяжении почти двух веков признанным духовным маяком западной цивилизации, по мере наступления американского гегемонизма — после создания Версальской системы в 1918 г. и особенно после Второй мировой войны — постепенно стала утрачивать эту роль. Однако за счет проведения последовательной и эффективной государственной культурной политики как одного из атрибутов своего «мягкого могущества» смогла в известной степени сохранить свое национальное своеобразие, престиж и влияние в международных делах. Именно «мягкая сила» позволяет Франции и сегодня в условиях жесткой конкуренции сохранять в международных отношениях свои приоритеты и отстаивать свои позиции.

Франция, умело используя инструменты культурной дипломатии, продолжала и пока продолжает сохранять свою неповторимую национальную идентичность и отстаивать свои национальные интересы, в то время как другие видные в прошлом культурные державы (например, Италия или Германия) покорно «легли» под американский «каток», нивелирующий специфику национальной культуры. Вот почему опыт и пример внешней культурной политики Франции, особенно за последние десятилетия, представляет очевидный научный, практический и общечеловеческий интерес, в том числе и для России.

Ключевые слова: Франция, «мягкая сила», «мягкое могущество», дипломатия влияния, культурная дипломатия, мировая политика.

По мере расширения глобализации все более острой и злободневной для стран с развитой культурой становится задача сохранения и защиты своей национальной самобытности и цивилизационного своеобразия. В этом смысле великая культурная держава — Франция — являет собой яркий и убедительный пример страны, которая благодаря целенаправленной и продуманной государственной политике в области культуры на протяжении веков твердо отстаивала и продолжает с переменным успехом отстаивать свою «культурную исключительность».

Рассмотрение культурной политики Франции в контексте проблематики «мягкой силы» (*soft power*¹), по мнению автора, прямо соотносится с насущными задачами внутренней и внешней политики современной России. Во-первых, традиционная культура и моральные ценности нашей страны в условиях глобализации также испытывают на себе негативные последствия американского прессинга, что требует адекватного противодействия. Во-вторых, в России, в отличие от Франции, культура как фактор «мягкой силы», как средство повышения привлекательности имиджа страны и усиления ее авторитета и влияния в окружающем мире занимает пока еще мало места во внешнеполитической доктрине и в практических действиях на мировой арене.

9 июля 2012 г. на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации Президент России Владимир Путин, пожалуй, впервые обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе «мягкую силу». Это подразумевает «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере» (Совещание послов ... , 2012: Электр. ресурс). В этой связи один из исследователей этой проблематики профессор МГИМО Елена Пономарева пишет: «Роль и значение “мягкой силы” (МС), которая использовалась еще в подготовке крушения советской системы и вплоть до реализации проекта “твиттер-революций” в арабском мире, постоянно возрастает. Сегодня практически ни одно даже малозначимое событие в мировой политике не происходит без использования МС, многократно усиленной новейшими информационными и когнитивными технологиями. Более того, в современных усло-

виях именно “мягкая сила” зачастую обеспечивает информационную артподготовку, готовит плацдарм для прямого военного вмешательства. Поэтому пришло время исправлять допущенные ошибки — “мягкая сила” становится одной из опор российской внешней политики» (Пономарева, 2013: Электр. ресурс).

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ

Как мы помним, в сравнительно недавнем прошлом для ослабления «московского режима» и «разрыхления» всех тканей советского общества США и их союзники активно использовали испытанные средства «мягкой силы». Характерно, что сегодня в продолжающемся идейном противоборстве уже с «капиталистической», а не советской Россией, которое вполне можно квалифицировать как рецидив холодной войны со стороны США, ее противники добились определенного успеха — за двадцать с небольшим лет «демократического» развития Россию, как и большинство стран планеты, буквально захлестнула волна низкопробной продукции массовой заокеанской культуры. Но что более печально и тревожно, в общественном сознании россиян все больше утверждаются признаки и стереотипы американского мышления/менталитета со ставкой на сакрализацию и культ богатства и силы, на пропаганду наживы, аморальности и вседозволенности, т. е. качеств, прямо противоположных исконной русской нравственности, морали и высокой русскоязычной культуре, объединяемых понятием «духовность». Такая «идейная обработка мозгов» особенно опасна в условиях практически бесконтрольного доступа населения к новейшим техническим средствам информатизации и коммуникации (мобильная телефония, Интернет, социальные сети и т. п.), производство и сбыт которых, как известно, контролируются транснациональными или чисто американскими компаниями в планетарном масштабе. Налицо стратегическая задача возрождения российской духовности. И в этом вопросе французский опыт может оказаться весьма и весьма полезным.

Франция, будучи на протяжении почти двух веков признанным духовным маяком западной цивилизации, по мере наступления американского гегемонизма — после создания Версальской системы в 1918 г. и особенно после Второй мировой войны — постепенно стала утрачивать эту роль. Однако за счет проведения последовательной и эффективной государственной культурной политики как одного из атрибутов своего «мягкого могущества» смогла в известной степени сохранить свое национальное своеобразие, престиж и влияние в международных делах. Влияние страны нельзя измерять только ее военным, экономическим и политическим потенциалом. Оно в полной мере определено также способностью страны привлекать своим образом жизни, своими идеями и знаниями, культурой, иными, не силовыми и не материальными, факторами. Именно «мягкое могущество» позволяет Франции и сегодня в условиях жесткой конкуренции сохранять в международных отношениях свои приоритеты и отстаивать свои позиции.

Видный французский историк Фернан Бродель в своей фундаментальной работе «Грамматика цивилизаций» утверждал, что любая традиционная культура всегда привязана исторически и географически к определенному обществу и не может существовать, совершенствоваться и передаваться вне общества (Braudel, 1987). По Броделю, в мире нет обществ, не обладающих своей собственной, специфической культурой — национальной, народной (на уровне страны), региональной (эльзасской, баварской или каталонской), буржуазной или пролетарской (в зависимости от

социальной ориентации), элитарной или массовой и т. д. Будучи тесно связанной с языком, такая самобытная культура является показателем и сущностью неповторимой индивидуальности данного народа или социальной группы.

Глобализация же, вдохновляемая США, стремится размыть или разрушить эти рамки, рассматривая культуру и культурную «продукцию» в контексте «культурной индустрии», т. е. сугубо под коммерческим углом, с точки зрения получения торговых преимуществ и прибыли. В этой связи не лишне вспомнить представителей франкфуртской школы, видных западных социологов Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, которые впервые использовали термин «культурная индустрия» еще в 1947 г. в своей известной работе «Диалектика просвещения» (Horkheimer, Adorno, 2002). В этой работе они единодушно осудили индустриальное воспроизведение продуктов культуры, усматривая в нем угрозу не только художественному творчеству, но и опасность подавления личности, индивидуальности. Немецкие ученые не без оснований утверждали, что такая «стандартизованная и приукрашенная культурная продукция служит орудием манипулирования послушными и пассивными массами» (там же: 94–95). Следует добавить, что все приверженцы франкфуртской школы (в том числе Герберт Маркузе) выделяли негативную сторону искусственной стандартизации и «маршандизации», т. е. «отоваривания» культуры. Не случайно на мировом рынке культурной продукции ведется ожесточенная борьба, в которой побеждает тот, кто обладает не более богатой культурой, а материальным и техническим превосходством в сфере культурной индустрии. Именно по этой причине Франция, которая всегда противилась рыночному подходу США к культуре, еще в 1993 г. заявила о своем праве на культурную исключительность и в конечном счете настояла на изъятии аудиовизуальной сферы из переговоров о свободной торговле по линии ВТО. Именно Франции мир обязан тем, что культурная продукция до сих пор не признана «обычным товаром»; это в результате привело к провалу пресловутого Многостороннего соглашения об инвестициях (AMI), куда англосаксонские противники Франции во главе с США хотели записать это определение, а также к отмене в ноябре того же года встречи ВТО на высшем уровне в Сиэтле.

Таким образом, в условиях глобализации, а вернее американизации, современного мира Франция, умело используя инструменты «мягкого могущества», продолжала и пока продолжает сохранять свою неповторимую национальную идентичность и отстаивать свои национальные интересы, в том числе в области культуры, в то время как другие видные в прошлом культурные державы (например, Италия или Германия) покорно «легли» под американский «каток», нивелирующий культуру. Вот почему опыт и пример внешней культурной политики Франции, особенно за последние десятилетия, представляет очевидный научный, практический и общечеловеческий интерес. Особое значение для российского исследователя имеет также латентный и открытый антиамериканизм государственной культурной политики Франции.

ДВА ЛИКА «МЯГКОГО МОГУЩЕСТВА»

Одним из конвергентных пунктов мышления российских и французских политологов в этой связи является мнение о том, что естественная глобализация, порождаемая объективным и необратимым свободным движением человеческих и культурных потоков, капиталов и ресурсов, вовсе не тождественна навязываемой из-за океана идеологии глобализации — наследницы идеологической борьбы периода би-

полярного мира, оставшейся жупелом либерального сверхобщества под американским «глобальным управлением». Напомним, что концепция, с которой Америка вступила на мировую арену еще накануне Первой мировой войны, была охарактеризована Г. Киссинджером как «вселенская, основополагающая гармония, пока что скрытая от человечества» (цит. по: Нарочницкая, 2011: 225). Уже на Парижской мирной конференции 1919 г. президент Вильсон провозгласил, что «Америке уготована невиданная честь осуществить свое предназначение и спасти мир» (там же: 263). До этого носителем такого вселенского мессианства позиционировала себя и была признана Франция. Однако именно с данного исторического момента США стали неуклонно оттеснять ее с этого пьедестала. По признанию исследователей американского мессианизма и его религиозно-философских истоков, именно вильсоновство соединило с либеральным посылом кальвинистскую доктрину богоизбранности англосаксонских пуритан, которая провозглашает моральное право на экспансию и руководство «дикарями и народами зла». А показателем богоизбранности согласно этой доктрине является земной успех и богатство.

Примечательно в этой связи, что один из основных идеологов «французской школы», заядлый атлантист и «антисоветчик» Раймон Арон в книге «Мир и война между нациями» в принципе отрицал монополию какого-либо государства в мире. Ему же принадлежит классическое определение «могущества», принятое сегодня во французской политологии: «способность одной политической единицы навязать свою волю другим и не дать другим навязать ей свою волю» (Aron, 1984: 58).

Поэтому с рождением голлистской республики в 1958 г. восстановление былого внешнеполитического могущества Франции и утверждение ее независимости в международных делах стало сквозной темой работ по теории международных отношений в этой стране и основой французской дипломатии. Причем в отличие от ядерных сил, призванных «устрашать и сдерживать» потенциального противника/агрессора, культурная политика Франции всегда была направлена главным образом на обеспечение «блистания/сияния» (*rayonnement*) Франции в мире, т. е. на восхищение ею, ее идеями и ее действиями. Быть признанной на мировой арене в качестве глашатая и носителя универсальных гуманистических ценностей — такова суть традиционных мессианских устремлений Франции во внешней политике. Эта цель лежит за пределами простого обеспечения безопасности, ибо призвана содействовать усилению планетарного влияния страны и направлена на утверждение ее величия методами «мягкого могущества». Именно из этой идеи исходила Франция со времен Людовика XIV, определяя свое место в мире.

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОГО МОГУЩЕСТВА»

Важную роль культурного измерения могущества, связанного не только с уровнем научно-технического потенциала, но и с моральными ресурсами страны, в особенности с ее представлением о себе самой, признают и доказывают многие французские ученые (см.: Косенко, 2010). В частности, президент французской Академии моральных и политических наук, видный политолог Тьерри де Монбриаль культуру и идеологию рассматривает в качестве моральных ресурсов, определяющих не только внутреннее единство, но и внешнее влияние страны (Montbrial, 2002). Так, Франция стремится закрепить за собой образ «родины прав человека» или носителя «концепции помощи в развитии стран третьего мира» (там же: 65).

Не будет преувеличением утверждение, что Франция по праву может считаться родоначальницей или «изобретателем» культурной политики. Французские монархи с незапамятных времен окружали себя просвещенными людьми и артистами. Пионером покровительства искусств и литературы в этой стране условно можно назвать короля Франсуа (Франциска) I, который, воспротивившись засилью латинского языка, учредил в 1530 г. Королевскую коллегия лекторов, ставшую впоследствии важным институтом французской культуры, известным под именем Коллеж де Франс. В 1539 г. ордонанс (указ) короля окончательно закрепил использование французского языка вместо латинского в официальных документах. Более четкая идея политической ответственности публичных властей в области искусства и творчества утвердилась в XVII в., а ее первым реальным институциональным выражением стало создание кардиналом Ришелье в 1635 г. Французской академии. Создание Академии явилось серьезным поворотом в развитии связей между государством и интеллектуально-художественной элитой общества, а также в мощной поддержке со стороны государства развития литературного французского языка. Оставаясь и сегодня лидером в области культуры в Европе, Франция, в частности, является единственной развитой страной Запада, где принят закон о защите национального языка. Особый характер носят и протекционистские меры, которые она распространила на аудиовизуальную и ряд других сфер культуры (подроб. см.: Косенко, 2011).

Окончательную институциональную форму культурная политика обрела в период правления президента Шарля де Голля с созданием в 1959 г. министерства по делам культуры. С этого момента и до начала нового тысячелетия на посту министра культуры сменяли друг друга видные и высокопросвещенные государственные деятели, пользовавшиеся авторитетом в мире культуры и искусства своей страны. Весомый вклад в развитие концепции и институтов французской культурной политики внесли, в частности, министры Андре Мальро и Жак Дюамель. Однако наиболее эффективной и поэтому показательной представляется модель культурной политики, успешно проявившей себя во Франции при президенте-социалисте Франсуа Миттерране (1981–1995), когда культура, благодаря целенаправленным усилиям неординарного министра культуры Жака Ланга, превратилась не только в динамичную и рентабельную отрасль экономики, но и в прочный бастион защиты национального самосознания и фактор национальной сплоченности французов перед лицом мощного политического, идеологического и лингвокультурного давления Америки. Таким образом, постепенно из «прихоти» властителей выкристаллизовалась идея политической, затем юридической и, наконец, материальной и административной ответственности французского государства в отношении искусств и творчества вообще.

До последнего времени такая традиционная культурная политика Франции приносила вполне ощутимые плоды. С ее ослаблением связано, в частности, появление во Франции книги историка Антуана де Бэка «Кризисы во французской культуре. Анатолия провала» (Ваеске, 2008), в которой автор критически оценивает культурную политику президента Николя Саркози (2007–2012). Нельзя не согласиться с мнением ученого в том, что подход этого президента к вопросам внешней культурной политики больше напоминал американскую модель: сокращение или экономия государственных расходов на эти цели, крен в сторону частного спонсирования, ориентация на количественные показатели и рентабельность как критерии качества, успеха. Все это он трактует как отход от традиционной французской политики.

Соотношение «могущества» и «влияния» во внешней политике Франции последних лет детально исследовано в работах другого видного французского ученого, профессора Парижского института политических наук Мориса Вайса (Vaisse, 2009). В частности, Вайс отмечает, что сакрализация «наследия» и «преемственности» политики ведет во внутреннем плане к гипертрофии роли президента во Франции и соответственно к маргинализации парламента, а во внешнем плане — к расхождению между словами и делами. Особое внимание ученый уделяет культурной дипломатии Франции как инструменту влияния в контексте глобального управления. Вайс утверждает, что понятия «влияние» и «мягкое могущество» конвергентны и охватывают сегодня не только и не просто культурное пространство, но и место страны в глобальной системе средств массовой информации, позиции французских транснациональных компаний, достижения в области новых технологий и т. п., позволяя Франции «играть менее или более значительную роль в мировом масштабе» (там же: 425).

Действительно, после ухода с политической арены президента-голлиста Жака Ширака, в силу политико-экономического выбора нового руководства Франции или объективных трудностей, ассигнования на ее традиционно активную внешнюю культурную политику стали ощутимо снижаться. Размеры сокращения этих ассигнований послужили основанием для заявлений, например в парламенте, об угрозе самой сути внешней культурной деятельности страны. Здравомыслящая часть французской элиты все более настойчиво стала выражать свою обеспокоенность снижением глобального влияния Франции. В частности, реакцией на сокращение государственных ассигнований на культурную деятельность за рубежом стало совместное выступление в газете «Монд» 7 июля 2010 г. двух бывших министров иностранных дел — голлиста Алена Жюппэ и социалиста Юбера Ведрина со статьей «Хватит ослаблять Кэ д'Орсэ». Почти одновременно, 15 июля 2010 г. в журнале «Новый экономист» появилась статья Эмманюэля Лемье под названием «Проиграла ли Франция войну средствам мягкого могущества?». Этой же теме посвятил монографию, вышедшую в 2011 г., известный политолог Филипп Лан (Lane, 2011).

Все это в конечном счете побудило руководство страны серьезно задуматься о путях если не наращивания, то хотя бы сохранения средствами «мягкого могущества» веса и влияния Франции как одной из ведущих фигур мировой политики. Так, в директивном письме от 27 августа 2007 г. президента Республики и премьер-министра министру иностранных и европейских дел поручалось подготовить развернутые соображения по обновлению внешней политики страны. В письме, в частности, подчеркивалось, что руководство страны придает самое большое значение расширению культурного влияния Франции за рубежом. Ровно через год президенту Саркози была вручена «Белая книга» по вопросам внешней и европейской политики Франции, подготовленная комиссией под руководством бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Алена Жюппэ и председателя независимого административного органа по борьбе с дискриминацией и за равноправие Луи Швейцера. Среди 12 рекомендаций, фигурировавших в книге, содержалось и предложение о пересмотре концепции и проведении радикальной реформы аппарата внешней культурной деятельности страны как существенного компонента «дипломатии влияния». Такая реформа была осуществлена в 2010–2011 гг.

В ходе подготовки реформы развернутые рекомендации по этому вопросу были изложены, в частности, в докладе сенаторов Жака Лежандра и Жослена де Роана от

имени двух сенатских комиссий — по делам культуры и по иностранным делам и обороне (*Rapport d'information ...*, 2009: Электр. ресурс). Их идеи перекликались также с рекомендациями, содержащимися в экспертном заключении, представленном практически одновременно в другом важном государственном органе Франции — Совете по экономическим, социальным и экологическим вопросам (*Le message culturel ...*, 2009: Электр. ресурс). Сенаторы, в частности, прямо заявили о кризисе «культурной дипломатии» страны и подвергли критике традиционное и практически эксклюзивное закрепление прерогатив в области внешней культурной политики за министерством иностранных дел. Образно назвав распределение функций в этой области между МИД и Минкультуры «административной Ялтой», они призвали пересмотреть эту практику, ссылаясь на то, что президентским декретом от 25 мая 2007 г. министерству культуры и коммуникации отводилась более существенная роль в обеспечении международного культурного присутствия Франции, артистических обменов и франкофонии.

АППАРАТ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

В итоге, на основе предложений министра иностранных и европейских дел, а также сводного доклада Сената, 27 июля 2010 г. был принят новый закон о внешней политике государства. Его непосредственным и основным следствием стало учреждение декретом от 30 декабря 2010 г. нового органа под эгидой Кэ д'Орсэ под названием Французский институт (*Institut français* — не путать с *Institut de France*, объединяющим французские академии). Перед Французским институтом была прямо поставлена задача сделать более последовательной, продуманной и планомерной национальную культурную политику за рубежом. Для этого при нем был образован Совет по стратегическим направлениям, которому поручено приобщение к внешней культурной политике министерства культуры и других заинтересованных ведомств страны. Авторы реформы исходили из того, что по сравнению с иностранными (британскими, немецкими, испанскими и португальскими) конкурентами французская система внешней культурной политики недостаточно монолитна и эффективна, особенно с учетом постоянного сокращения бюджетных ассигнований. Если, например, бюджет Института Гете за последние пять лет увеличился на 30%, то финансирование французской системы с 2007 по 2009 г. сократилось на 20%. И это на фоне активного расширения в мире глобальных сетей культурного влияния таких стран, как Китай, Бразилия, Индия, Япония, Южная Корея, Тайвань, Абу-Даби, Катар и даже Польша (Институт Адама Мицкевича), которые с некоторых пор стали выделять значительные средства на цели своей «культурной дипломатии».

От своего предшественника (агентства «Кюльтюр Франс») Французский институт унаследовал всю сеть национальных культурных учреждений за рубежом (около 150 культурных служб в посольствах, более 150 культурных центров и свыше 1000 отделений «Альянс франсэз»). Было решено, что процесс интеграции этих учреждений в новую систему будет развиваться постепенно и выборочно, в экспериментальном порядке, сначала в таких странах, как Дания, Великобритания, Индия, ОАЭ, Кувейт, Сирия, Гана, Сенегал, Камбоджа, Сингапур, Чили, Сербия, Грузия, и завершится только в 2014 г. Президентом Французского института был назначен видный дипломат и государственный деятель Франции, сенатор Ксавье Даркос — бывший министр по вопросам труда, социальных отношений и семьи, министр национального образования, министр-делегат по вопросам развития, сотрудничества

и франкофонии, а с июня 2010 г. — уполномоченный Совета министров по вопросам внешней культурной политики Франции.

Создавая Французский институт нового типа, правительство преследовало цель укрепить аппарат «дипломатии влияния», сосредоточив в одних руках разбросанные ранее между различными учреждениями функции внешней культурной политики страны. В тесном взаимодействии с системой Французского института должны работать некоторые другие устоявшиеся французские автономные учреждения, действующие на поприще распространения национальной культуры, например Агентство по преподаванию французского языка за рубежом (AEFE), Агентство по распространению технической информации (ADIT), холдинг «Внешнее аудиовизуальное агентство Франции» и др. Предполагается тесное взаимодействие Французского института и с другими структурами, созданными в развитие закона от 27 июля 2010 г., например *Campus France* (привлечение зарубежных студентов на учебу во французские вузы) и *Egide* (прием и размещение иностранных стипендиатов). Кроме того, в новой системе особое место займет государственное учреждение под названием Международная экспертиза Франции (*France expertise internationale*), которому поручено заниматься пропагандой достижений французской науки, продвижением «научной культуры» и сотрудничеством в этой области.

В начале февраля 2011 г. на совместном заседании сенатских комиссий по иностранным делам и по делам культуры был заслушан доклад К. Даркоса о его планах работы во главе нового учреждения. В своем выступлении Даркос, в частности, с тревогой отметил, что в области приложения *softpower*, или «дипломатии влияния», Франция сталкивается с жесткой конкуренцией, так как почти все каналы распространения культуры в мире находятся в руках американцев. По его словам, в условиях глобализации происходит как бы американизация знаний. Мощную глобальную сеть влияния развернул также Китай — Институтов Конфуция сегодня в мире больше чем Французских институтов (300 отделений в 80 странах с момента создания этой системы в 2004 г.).

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У НЕАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ?

Ослабление французского культурного влияния в мире не может не беспокоить искренних друзей Франции и поклонников ее культуры. Как не может не волновать тот факт, что сегодня весь культурный мир планеты, включая Россию, живет, в сущности, по американским стандартам, следуя за рейтингом американских блокбастеров, бестселлеров, музыкальных хитов и клипов. Все чаще под Новый год в России звучит «Джингл беллз» вместо родной «Елочки». Выстоять в этом океане дешевки и непритязательности можно только с опорой на настоящую, высокую культуру. В этом смысле опыт Франции, которая всегда оставалась проводником искусства, а не ширпотреба, заслуживает пристального изучения.

Но даже если сегодня «высокая» французская культура, действительно, сдает свои позиции и ее влияние в мире ослабевает, то слухи о ее смерти сильно преувеличены. Все факторы общепризнанного культурного превосходства Франции пока еще в силе: богатейшее историческое наследие, великая литература и философия, передовые высшие школы и современные технологии, непревзойденные музыка, живопись и архитектура, неповторимые высокая мода, парфюмерия и индустрия роскоши, высокая гастрономия, виноделие и т. д. Но самое главное — это жизнеутверждающий,

разумный и здоровый образ жизни и мышления, разительно отличающийся от якобы свободного, а на самом деле уродливого и лицемерного американского менталитета, заикленного на идее повелевания миром и изнурительной, бессмысленной погоне за успехом, читай — деньгами. А поскольку могучий потенциал французского культурного влияния в мире далеко не исчерпан, российским политикам и дипломатам было бы полезно не только внимательно изучать яркие страницы истории культурной дипломатии Франции, но и побуждать французских коллег к более тесному сотрудничеству в духе, например, перекрестного Года Франции в России и России во Франции (2010). Есть уверенность в том, что совместными усилиями мы более успешно сможем сохранить национальную самобытность своих стран и обеспечить миру выбор — альтернативу американской культурной гегемонии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В российской научной литературе встречаются разные варианты перевода этого термина (чаще всего «мягкая сила»), однако французам больше импонирует «мягкое могущество» (*puissance douce*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Косенко, С. В. (2010) Культура в палитре внешней политики. Опыт Франции. М. : Восток-Запад. 320 с.

Косенко, С. В. (2011) Мягкое могущество в твердой упаковке. М. : Изд-во МГИМО. 416 с.

Нарочницкая, Н. А. (2011) Россия и русские в современном мире. М. : Эксмо. 416 с.

Пономарева, Е. Г. (2013) Железная хватка «мягкой силы» [Электр. ресурс] // Однако. № 6. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_24128 [архивировано в WebCite] (дата обращения: 5.10.2013).

Совещание послов и постоянных представителей России (2012) [Электр. ресурс] // Президент России. 9 июля. URL: <http://президент.рф/news/15902> [архивировано в Archive.Is] (дата обращения: 5.10.2013).

Aron, R. (1984) Paix et guerre entre les nations. Paris : Calmann-Lévy. 796 p.

Baecque, A. de. (2008) Crises dans la culture française. Anatomie d'un échec. Paris : Bayard. 245 p.

Braudel, F. (1987) Grammaire des civilisations. Paris : Arthaud-Flammarion. 606 p.

Horkheimer, M., Adorno, T. W. (2002) Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments. Stanford, CA : Stanford University Press. xix, 282 p.

Lane, Ph. (2011) Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique. Paris : La Documentation française. 128 p.

Le message culturel de la France et la vocation interculturelle de la francophonie. Avis présenté par Julia Kristeva-Joyaux au Conseil économique, social et écologique. Paris, juin 2009 (2009) [Электр. ресурс] // Conseil Economique, Social et Environnemental. URL: <http://www.lecese.fr/travaux-publics/le-message-culturel-de-la-france-et-la-vocation-interculturelle-de-la-francophonie> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 5.10.2013).

Montbrial, T. de. (2002) L'action et le système du monde. Paris : PUF. 472 p.

Rapport d'information de MM. Jacques LEGENDRE et Josselin de ROHAN, fait au nom de la commission des affaires culturelles et de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées (2009) [Электронный ресурс] // Sénat. 10 июня. URL: <http://www.senat.fr/notice-rapport/2008/r08-458-notice.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 5.10.2013).

Vaïsse, M. (2009) La puissance ou l'influence? La France dans le monde depuis 1958. Paris : Fayard. 649 p.

Дата поступления: 6.10.2013 г.

“SOFT POWER” AS A FACTOR OF FRANCE’S CULTURAL DIPLOMACY

S. I. KOSENKO

(THE HONORARY CONSULATE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN LAUSANNE, SWITZERLAND)

The article covers some relevant aspects of French foreign cultural policy in the context of its “soft power”. The historically distinct place of the cultural diplomacy is emphasized as part of the French strategy aimed to preserve and, ideally, to extend its influence as a great power during the globalization era and, in particular, within the context of its traditional opposition to the U. S. pursuit of spiritual leadership in the world.

Being recognized as “spiritual beacon” of Western civilization for about two centuries, France, as the American hegemony was developing — after the setting up of the Versailles Treaty system in 1918 and especially after the Second World War — gradually started to lose this role. However, due to its steady and efficient cultural policy used as a state-supported soft power, France succeeded, to a certain degree, to preserve its national identity, prestige and influence in the international affairs. It is namely the “soft power” that nowadays permits France to defend and promote its priorities and positions under conditions of a stiff international competition.

France, aptly using the tools of its cultural diplomacy, has been still continuing to keep its inimitable national identity and to protect its national interests, while some other former “great cultural nations” (for instance, Italy or Germany) have got obediently run by the American cultural “road roller”, which emasculates any national culture. That is why the experience and the example of France’s external cultural policy, especially of the last decades, represent an obvious scientific, practical and universal interest, inter alia for Russia.

Keywords: France, soft power, *puissance douce*, diplomacy of influence, cultural diplomacy, world policy.

REFERENCES

- Kosenko, S. V. (2010) *Kul'tura v palitre vneshnei politiki. Opyt Frantsii [Culture in the Pallet of External Policy. The Experience of France]*. Moscow, Vostok-Zapad Publ. 320 p. (In Russ.).
- Kosenko, S. V. (2011) *Miagkoe mogushchestvo v tverdoi upakovke [Soft Power in a Hard Pack]*. Moscow, MGIMO University Press. 416 p. (In Russ.).
- Narochnitskaia, N. A. (2011) *Rossiia i russkie v sovremennom mire [Russia and the Russians in Contemporary World]*, Moscow, Eksmo Publ. 416 p. (In Russ.).
- Ponomareva, E. G. (2013) *Zheleznaia khvatka «miagkoi sily» [The Iron Grip of “Soft Power”]*. *Odnako*, no. 6. [online] Available at: http://www.odnako.org/magazine/material/show_24128 [archived in WebCite] (accessed 5.10.2013). (In Russ.).
- Soveshchanie poslov i postoiannykh predstavitelei Rossii [A Meeting of the Ambassadors and Permanent Representatives of Russia]* (2012). *Prezident Rossii [The President of Russia]*. 9th July. [online] Available at: <http://kremlin.ru/news/15902> [archived in Archive.Is] (accessed 5.10.2013). (In Russ.).
- Aron, R. (1984) *Paix et guerre entre les nations*. Paris : Calmann-Lévy. 796 p.
- Baecque, A. de. (2008) *Crises dans la culture française. Anatomie d'un échec*. Paris : Bayard. 245 p. (In Fr.).
- Braudel, F. (1987) *Grammaire des civilisations*. Paris, Arthaud-Flammarion. 606 p. (In Fr.).
- Horkheimer, M., Adorno, T. W. (2002) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Stanford, CA, Stanford University Press. xix, 282 p.
- Lane, Ph. (2011) *Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique*. Paris : La Documentation française. 128 p.
- Le message culturel de la France et la vocation interculturel de la francophonie. Avis présenté par Julia Kristeva-Joyaux au Conseil économique, social et écologique*. Paris, juin 2009 (2009) [Электр. ресурс] // Conseil Economique, Social et Environnemental. URL: <http://www.lecese.fr/travaux-publies/le-message-culturel-de-la-france-et-la-vocation-interculturelle-de-la-francophonie> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 5.10.2013).

Montbrial, T. de. (2002) *L'action et le système du monde*. Paris : PUF. 472 p.

Rapport d'information de MM. Jacques LEGENDRE et Josselin de ROHAN, fait au nom de la commission des affaires culturelles et de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées (2009) [Электронный ресурс] // Sénat. 10 июня. URL: <http://www.senat.fr/notice-rapport/2008/r08-458-notice.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 5.10.2013).

Vaïssse, M. (2009) *La puissance ou l'influence? La France dans le monde depuis 1958*. Paris : Fayard. 649 p.

Косенко Сергей Иванович — кандидат политических наук, дипломатический советник Почетного консула Российской Федерации в г. Лозанне, Швейцария. Адрес: Av. Rumine 13, 1005 Lausanne, Switzerland. Тел.: +41 (021) 623-85-85. Эл. адрес: civiks@bluewin.ch

Kosenko Sergei Ivanovich, Candidate of Science (political science), diplomatic advisor to the Russian Federation Honorary Consul in Lausanne, Switzerland. Postal address: Av. Rumine 13, 1005 Lausanne, Switzerland. Tel.: +41 (021) 623-85-85. E-mail: civiks@bluewin.ch